

РЯДОВОЙ НЕСТРОВОЙ КОМАНДЫ

В. МАЯКОВСКИЙ в автомобильной школе. Петроград, 1916. Редкий снимок.

В СЕНТЯБРЕ 1915 года Маяковский вызвали повесткой к воинскому начальнику Петрограда. На обратном пути от него позвонил в «Новый сатирикон». Редактор Аркадий Аверченко заметил мрачное настроение своего любимца:

— Что случилось?
— Меня забрили...

— Неужели всего? — деланно удивился. — Вполне достаточно было обречь вас поголовы.

Маяковский понял: в царской России так брили каторжников...

Маяковский числился в «рядовых нестроевой команды». Нестровым позволялось жить на частных квартирах. «Адрес мой прежний: Пале-Рояль», — сообщил он старшей сестре в письме. И попросил одолжить денег: «Мне сейчас себе приходится покупать форменную одежду, делаю я это на свои деньги. Так нужно».

Петроград, Эртелев переулок (ныне улица Чехова). Здесь находилась редакция «Нового журнала для всех», где по средам устраивались литературные вечера. Поэты приходили читать свои новые стихи... В такие дни вешалку гесной передней загромождала смесь гражданских шуб и военных шинелей.

Поэт и критик Иннокентий Оксенов вспоминал одно из своих посещений: «За окном был поздний снежный вечер... Второго года мировой войны. Никто не знал, чем и как окончится эта война. Многие из находившихся здесь предпочитали об этом не думать».

И вот как живо напоминание о времени в комнате появился высокий мускулистый человек в военной гимнастерке с погонами автомобильной роты. Он был выше всех ростом и держался проще и сво-

боднее, чем все остальные».

Это был Маяковский. Свое внешне преобразование он так объяснил в автобиографии:

«Забрили. Теперь идти на фронт не хочу. Притворился чертежником. Ночью учусь у какого-то инженера чертить авто. С печатанием еще хуже. Солдатам запрещают».

Первое по мобилизации письмом родным Маяковский закончил постскриптумом: «Пришлю свою «военную» карточку. Обещание выполнил».

Однако Людмила Владимировна после смерти брата писала: «Эту фотографию Володя у нас взял в 1929 году на выставку, посвященную двадцатилетию своей творческой работы, но она не появилась на выставке, и он нам ее не вернул. Об этом можно, конечно, сожалеть, так как другой такой фотографии не сохранилось».

Ни в музеях, ни в военно-историческом архиве фотография не значилась. Где же она?

Одному из страстных почитателей Маяковского — К. К. Журбицкому, собиравшему все изобразительные материалы о поэте, я посоветовал:

— Ищите «военный снимок» Владимира Владимировича.

Через год раздался его телефонный звонок:

— Карточку нашел...

Журбицкий лежал в клинике, где одновременно лечился Иван Николаевич Бажанов, в 1977 году ему было 97 лет.

Удивительна биография Ивана Николаевича. Участник русско-японской войны. Его имя упоминается в дореволюционной военной литературе. Описываются ручные гранаты «системы» поручика Бажанова». В операциях против японцев «такие гранаты употреблялись при Сандепу саперами 12-го батальона», Иван Николаевич—

офицер с высшим техническим образованием. Помимо петербургского инженерного училища, закончил Льежский университет.

Маяковский оказался в его непосредственном подчинении: «Учусь у какого-то инженера чертить авто». Вскоре сметливый чертежник проявил себя художником: «Рисую (изобрачиваюсь) начальниковы портреты».

Иван Николаевич из числа тех русских военных инженеров, интересы которых распространялись не только на технику, но и на художественную литературу. Он знал, что «ратник 2-го разряда» попал к нему, в автомобильную роту, по хлопотам М. Горького, и потому как мог покровительствовал поэту...

Через К. Журбицкого я познакомился с Бажановым. Меня поразили жизнерадостность и ясная память этого человека. Несмотря на преклонный возраст, он бодр, подвижен, посещает Политехнический музей, где консультирует посетителей по вопросам мирового и отечественного автомобилестроения.

На стене у письменного стола среди десятков фотографий я сразу увидел портрет Маяковского, репродукцией которого уже располагал Журбицкий.

— Откуда у вас этот снимок?

В ответ Иван Николаевич показал на другую фотографию, висевшую рядом. На ней такой же молодой человек, в такой же белой зимней папаше и в шинели с погонами. Хозяин объяснил:

— Это тоже Владимир... Владимир Яковлевич Стейнер — товарищ Маяковского. Оба они служили у меня и оба квартировали за пределами казармы. Снимки прислал мне в подарок Стейнер.

Стремясь утвердиться в достоверности увиденного, расспрашиваю о Стейнере.

— После Октябрьской революции, в 1918 году, я привлек Владимира Яковлевича и некоторых сослуживцев к работе на автобазе, обслуживавшей Восточный фронт против Колчака. По окончании гражданской войны он с официального разрешения уехал к родственникам во Францию.

Стейнер пережил своего товарища по петроградской автомобильной роте. В 1973 году Владимир Яковлевич вспомнил о нем в письме из Парижа. У Ивана Николаевича тоже есть свои воспоминания. Вот что рассказал он при нашей встрече:

— Однажды Маяковский прочитал мне свое произведение «Облако в штанах». Я сказал, что воспитан на классике и потому не могу привыкнуть к такой поэзии. Он на это ответил: «Ваше высокоблагородие, вы еще не досрости до нее». Тогда я заметил ему: «Учти, Владимир, я ведь по должности твой начальник и могу не простить дерзости...»

...На календаре — первое января 1917 года. Царизму осталось два месяца жизни. Преуспевающий чертежник изредка печатается в «Новом сатириконе». 4 января получил трехдневный отпуск. А в середине месяца ротные друзья бросились его поздравлять. С чем?

Ответ находим в архивных материалах: «13 января 1917 года Владимир Маяковский высочайшим повелением награжден серебряной медалью «За усердие» на Станиславской ленте».

Как говорится, черверотно, но факт. Никакого «усердия», конечно, он ни в чем не проявлял. Просто автоматическая сработала бюрократическая система поощрений. Власть старались во что бы то ни стало поддерживать дух верности престолу даже среди младших чинов.

Если бы знал самодержец, кого милостиво наградили его ревностные приспешники!

Л. ВОЛКОВ ЛАННИТ